Принцип Портоса, или Последний свидетель

Автор:
Александр Папченко

Принцип Портоса, или Последний свидетель

Александр Иванович Папченко

Повесть для ребят среднего школьного возраста. Смешная. Добрая. Подвижная. Такой я ее писал. Вот фрагмент: "…Знаете, какие бывают женские капризы? А я не знал. Теперь знаю. Теперь я буду осмотрительным. Мария Перевалова нежно улыбнулась и ласково говорит Сашке: "Деточка, дай, пожалуйста, мне эту забавную штучку". Деточка отдала. Перевалова повертела сахарницу в руках и говорит: "С очень большим вкусом сделано. Ручная работа. Восхитительная вещица". И спокойно так, с улыбочкой, ка-а-ак шваркнет нашу сахарницу об угол дома – только осколки просвистели у виска. У нас с Витькой и у Сашки челюсти отвисли от удивления. А у папы и дяди Вити не отвисли. Вот что значит жизненный опыт! А Мария Перевалова фасонисто цыкнула зубом, как отъявленная хулиганка, а не студентка, преобразилась вся и нахально заявляет…" Эта повесть вошла в одноименный сборник, который был издан в 1996 году. С предисловием Владислава Петровича Крапивина. С уважением, А. Папченко

Александр Папченко

Принцип Портоса, или Последний свидетель

– Так для чего же тебе понадобилось его освобождать, если он уже свободный?

– Только женщина может задать такой вопрос! А как же приключения-то?

М. Твен. Приключения Гекльберри Финна

Когда я дал прочитать то, что здесь написано, одной образованной девушке, Переваловой, она нашла много недостатков. И что это за папа такой, который едва не пристрелил родных детей? И что это за неправдоподобное повествование? И нетипично ей, и непедагогично… Поэтому я переписал все заново, но теперь уж истинная правда восторжествовала, и пусть никто не обижается… Мы, писатели, тоже люди, и нечего тут перед нашим носом выпендриваться. Ну а кому лень читать – пусть смотрит телек. Там как раз опять кого-то больно бьют… Всё.

С приветом, Макс!

Я это пишу для того, чтоб люди знали, где лежат деньги. А то, если нас пристрелят или покалечат или мы станем заиками от перепуга, никто не узнает. Ну а если по порядку, то меня зовут Максим. У меня есть брат Витька. Он старше меня на год, а начитанней – на сто. Мама наша на курорте, в Кисловодске. Ей повезло. У нас еще есть дом. Он наполовину двухэтажный. Там, где второго этажа нет, там у нас терраса.

Мы с Витькой спим как раз на втором этаже. Под окном у нас растет яблоня, которую мы в срочных случаях используем вместо лифта. А наш папа, Павел Семенович, хоть и член общества охотников и рыболовов, стрелять все равно не умеет. Надо же! Не попал в меня из ружья с десяти шагов. И в Витьку тоже не попал, и, быть может, зря… Я не кровожадный, я просто Витьку лучше знаю.

О соседях… С одной стороны от нас живет боцман торгового флота дядя Витя. Он разговаривает с украинским акцентом, любит пиво, любит копаться на своем огороде, и еще он очень толстый. С другой стороны живет Мария Перевалова, хрупкая студентка филологического факультета, в очках и с тонким голосом. Иногда по вечерам она читает свои стихи. Такие, например:

Следы бредущей куропатки

Скрывает призрачный рассвет.

Ах, эти желтенькие лапки…

Скользнула тень – и птахи нет.

Слеза метнулась к подбородку,

И счастье прыгнуло в лицо —

Ты обронила мне в ладони

Свое куриное яйцо…

О куропатка, дочь полей!

За что ты мучаешь людей?!

Или в твоей пташиной доле…[1 - Стихи М. Переваловой пишу как помню (Макс).]

Ну и так далее. Это Перевалова женихов заманивает в свои сети таким интересным способом. Замуж ей очень хочется. Недавно вот Петьку Самсонова заманила, студента радиотехнического техникума. Теперь они вместе бормочут, как две психованные куропатки. В перерывах целуются около нашего забора и думают, что их никто не видит.

А вчера у папы разболелись зубы. Это у него из-за нервов. Ведь он переживает, как там мама на курорте в Кисловодске. Он всю ночь терпел, а утром меня разбудил, и мы поехали в город зуб рвать. А потом мы с замороженной челюстью и без зуба возвращались обратно. Мы ехали по центральной улице. Солнце уже встало. А люди еще спят. Даже машин нет. Пусто. Тихо. Светло. Чисто. И очень непривычно. Перед нами поливалки проехали. Папа машину разогнал и мотор выключил. Шины по мокрому асфальту звенят. Птицы громко разговаривают – эхо прыгает между балконами многоэтажек. Липа цветет. И запах у нее плотный, словно вода. И мне захотелось свернуть такой умытый город в трубочку, как газету, засунуть в карман и увезти с собой, чтоб гулять по нему, когда захочется. А потом дорога повернула на мост. Внизу текла наша широкая река Самарка, одинакового с небом цвета. Папа включил мотор, разогнал машину и опять выключил. И окна пооткрывал. Теперь пахучий воздух пролетал

сквозь нас… И было так здорово на душе и легко! И уж точно казалось, что самое счастливое и прекрасное в жизни впереди.

Ну а когда мы приехали, папа поставил машину в гараж и говорит:

– Ну что, Максим, пошли спать до очередного зуба?

И мы пошли.

А потом проснулся мой брат Витька и предложил нас ограбить. Представляете? Это он вчера такую игру новую придумал – приключение своими руками. Наподобие самоучителя по английскому языку или журнала «Сделай сам». Я срочно выдвинул свой план ограбления, удобный и простой в обращении. И действительно, почему бы нам нас не ограбить, если скучно без приключений и папа в сберкассы не верит и держит материальные накопления на новую мебель в пузатой сахарнице на кухне?

По моему плану нужно было незаметно вытащить из сахарницы деньги, подержать их в руках и быстро, пока папа ничего не заподозрил, вернуть их на место. Вернуть и удрать подальше.

Выслушав мое предложение, Витька поглядел на меня как на последнего идиота и коротко и энергично объяснил, как он не любит дилетантов и как ценит и уважает профессионалов.

– На профи держится мир! – заявил Витька и объяснил мне, как ему, Витьке, противно, когда кто-нибудь из него, Витьки, пробует делать дурака. И что он этого не позволит даже родному брату.

Он мне дал понять, что мой план ограбления детсадовский. И что именно он, Витька, знает, как правильно грабить, потому что он прочитал Агату Кристи, Сименона, два рассказа Чехова, три повести Хмелевской, один роман Стругацких, одну длинную романтическую сказку Крапивина, несколько вещей Чейза, инструкции Интерпола в газете «Совершенно секретно», которые его потрясли, и еще что-то, название чего он забыл, но содержание – никогда!

Вот. И рассказал мне свой очень правильный план ограбления. Я сразу понял, какой у меня умный брат. Черт бы его побрал! По его плану мы, конечно, всех ограбим, но где-то в середине приключения нас должны были раза три застрелить. Я не подал вида, что испугался, не выразил критического отношения к отдельным моментам и деталям – я согласился. Поскольку я не хотел, чтоб Витька думал, будто я трус или что-то в этом роде. Ему ведь фиг докажешь, что могут быть убеждения, которые не позволяют самому себе себя же грабить. Короче, мы начали действовать.

Во-первых, чтобы всех предупредить, что готовится ограбление, Витька написал небольшое доходчивое письмо. Буквы вырезал из газет и наклеил на листок бумаги: «Вас хотят ограбить. Ваш Друг».

– Это чтобы нас по почерку не установили, – объяснил мне Витька. – И еще для того, чтобы кто-нибудь наконец начал охранять материальные ценности в пузатой сахарнице. А то что это за приключение без охранника, которого не надо спаивать снотворным зельем или отключать от действительности путем ушиба тяжелым предметом по голове? И вообще, что это за приключение без паники и валерьянки? Без паники – это не ограбление, а издевательство, – объяснил мне Витька. – Это не ограбление, когда никто не бегает в полуодетом состоянии и с горящим взглядом. Какую книжку ни возьми, какое кино – всюду горящие взгляды, полуодетые люди и сплошная нервотрепка. И главное, все должно развиваться по правилам, а не как кому вздумается. Может, кто-нибудь с первой страницы знает, где деньги лежат, но вынужден страдать до последней… Его будут бить, будут пинать ногами и просто издеваться, в него будут стрелять и свои, и полицейские… И все потому, что так положено. А иначе этот тип тут же, в самом начале, схватил бы денежки! И зачем тогда весь длинный сюжет и полицейский комиссар с потухшим взглядом замороженной селедки? Или как там? С потухшим, замороженным взглядом умной сардины – вот как! Нет, Макс, приключение – это свои правила. Вот возьми последнего свидетеля. Да ему по жизни положено умереть от шальной пули начинающего частного детектива, и все так думают. Ан нет! Всех! всех перебьют, живые в ужасе разбегутся, а эта морда в самом конце книги, когда о ней уже все забыли, вдруг вылезет откуда-нибудь из Милана и все расскажет. Представляешь? Хорошо быть последним свидетелем. Его все ищут, а он лимонад пьет. А есть еще писатели, которые держат рядом с ценностями разных кусачих животных, Конан Дойля возьми… Хорошо бы еще пожар устроить…

– Только не пожар! – тут я возмутился. – Ты что? Пожар не надо! И папу жалко, да и где мы жить будем, если дом сгорит?

– Ну ладно, – неохотно согласился Витька, – пожара не будет, но змей будем искать. Капканы будем ставить. И вообще, все должно быть по правилам. А то я себя чувствую дураком каким-то. А теперь пошли за лестницей…

Я написал «пошли за лестницей»? В том-то и дело, что, пока мы «шли за лестницей», Витька несколько дней запугивал папу. Как это он делал? Примитивно. Выберет подходящее время, когда у папы хорошее настроение, и ляпнет что-нибудь типа: «Сейчас такое время… Вот вчера писали в газете, как один держал свои сбережения в хлебнице, а его взяли и обокрали…», или «Вчера ночью какой-то странный шорох был, словно кто-то лез через забор…», или «Неплохо бы нам поставить сигнализацию, а то оставляем дом под примитивным замком, того и гляди ограбят». Или: «Какие-то странные прохожие пошли. С какими-то физиономиями. Раньше такие не ходили. В черных очках, с татуировками… Через ворота во двор взгляды бросают. Может, им чего нужно? Может, им наши деньги покоя не дают?»

И папа насторожился. Перестал хихикать над глупыми Витькиными предположениями. Стал дергаться от каждого шороха. И впервые с начала лета вчера перед сном проверил шпингалеты на окнах. И сам стал замечать странных прохожих и всякие шорохи по ночам. Теперь подойдешь к нему сзади что-нибудь спросить, а он вздрагивает, как покусанная пчелами лошадь. Вот как сказалось на отце пошлое целенаправленное Витькино воздействие.

А потом мы с Витькой таскали лестницу… Конечно, чтоб подложить наше письмо нам же в почтовый ящик, можно было запросто спуститься ночью по яблоне, но Витька заартачился. Он сказал, что если по яблоне, то он будет чувствовать себя дураком, а если по лестнице, то не будет, так как почти во всех книгах применялись лестницы. И что пусть я ему, Витьке, еще спасибо скажу, что он выбрал книгу, где деревянная лестница фигурирует, а то нам пришлось бы рвать простыни, как Монте Кристо, и вязать веревочную лестницу. Представляете? Хотя это, кажется, был не Монте Кристо…

Тогда я сказал:

– Давай выйдем через дверь, а представим, что по лестнице.

– Я тебе не лунатик представлять, – вспылил Витька. – Понарошку приключения не делаются. Героев понарошку не бывает. Забудь свои детсадовские замашки! Лучше бери тетрадь и записывай! Привыкай к шкуре доктора Ватсона.

Так, по Витькиному приказу, я и стал писателем, ну и чтоб люди знали, где будут лежать деньги, если мы их все-таки украдем.

И мы пошли за лестницей. Мы ее, тяжелую, вытащили из сарая и прислонили прямо к нашему окну, чтоб ночью удобно было спускаться.

– Теперь ты видишь, как это принципиально – лестница?! – подпрыгивал от возбуждения Витька и радостно потирал руки.

Но не успели мы отойти подальше, как появился папа. Он теперь был подозрительным, после Витькиной обработки.

– Откуда здесь лестница? – папа повел носом по сторонам. – Странно… Не место ей здесь. – И утащил лестницу в сарай.

– Тьфу! – разозлился Витька.

Дождавшись, когда папа перестанет подозрительно оглядываться и уйдет по своим делам, мы опять притащили лестницу под окно. Шесть раз таскали, довели папу до мании преследования, но он нас «перетаскал».

– Что будем делать? – спросил я, вытаскивая занозы из ладони.

– Пойдем через дверь, а представим, будто по лестнице, – согласился с моим старым предложением Витька. – Вот они, превратности грабителя, не знаешь, где повстречаешь…

Потом настала ночь. Мы с Витькой договорились, как будем действовать: он от двери обойдет дом справа, а я обойду слева. Пароль мы выбрали проще некуда: я – одно короткое кошачье мяуканье и одно длинное, а Витька – наоборот. Правда чушь? Вот и я вначале так думал, а оказалось, что значительно хуже.

Сначала по бетонной дорожке ползти было хорошо. Только локтям больно. Но потом дорожка закончилась, и, свернув за угол дома, я попал в малиновые заросли. Где-то в их глубине Петр-радиотехник шептал Марии о Фарадее: у них как раз свидание было. Но больше всего мне не нравилось то, что у нас на террасе папа и дядя Витя пили пиво и обсуждали всякие важности.

Желтый свет освещал верхушки малиновых кустов. Я полз, стараясь аккуратно протискиваться между колючих веток малины и ориентируясь на голос Петра. Но голос вдруг исчез, я зашебуршился и неожиданно наткнулся на спасительный штакетник. А наверху папа объяснял дяде Вите, какой странный шорох он вчера ночью слышал у себя под дверью и какие подозрительные прохожие стали ходить мимо дома в последнее время, того и гляди ограбят, обворуют… А дядя Витя, человек, не обремененный идиотскими Витькиными предрассудками, успокаивал папу, объясняя, что шорохи – от кошек, а прохожие всегда были такими. Короче, я перемещался вдоль штакетника, перебирая узкие доски. И знаете, каков закон подлости? С Ватсоном ни фига подобного не случалось… Чтобы вот так, перебирая доски забора, вдруг взять да и наткнуться на черенок лопаты в носке. Представляете? У меня прямо одно мозговое полушарие за другое зацепилось. И вдруг наверху ка-а-ак шваркнет, словно комара убили на лысине.

– Маша?! – слышу обиженный голос Петра.

Я страшно удивился: при чем тут Маша?! А наверху – бамсь! лясь! трах! И голос Переваловой:

– Мы еще не настолько знакомы, чтобы там прикасаться!

И опять – шварк! И тут меня осенило. Бывают же такие вспышки, рождающие озарение?! Получается, что Машка с Петром целовались. И Перевалова возьми да и поставь ногу на поперечину между досок для удобства. А я в темноте, как дурак, в конечность-то ее и вцепился! И теперь Машка думает, что это радиотехник впился в ее ногу, и шваркает его по растерянной физиономии.

– Негодяй! Бабник!

Я ногу отпустил и говорю:

– Извините! Я думал – лопата…

И быстро-быстро пополз прочь, только зашуршало вокруг. Думаю: еще поймают, по шее накостыляют. Не знаю, что подумала Машка, но только кричать перестала.

А тут еще папа и дядя Витя на шум к краю террасы подошли.

– Вот, – говорит папа, – слышал? Опять подозрительный шум.

– Який там шум? – ухмыляется дядя Витя. – Кошки!

И тут, совсем уж некстати, Витька у ворот пароль подает – мяукает, дурак. И главное, убедительно, словно мартовский Мурзик в отчаянии от неразделенной любви…

Ну, тут дядя Витя долго думать не стал. Поднял обломок кирпича да как швырнет в Витькину сторону. Грохот был страшный, словно от ворот доски поотлетали. Витька не домяукал пароль – заткнулся.

Когда я приполз, перепуганный Витька сидел у самой дороги в пыли и за башку свою держался. Ну, я ему все объяснил.

Витька дыханье перевел и говорит:

– Везет тебе, Макс! У тебя приключение, а мне чуть голову насквозь не пробили.

Положили мы письмо в почтовый ящик, вытащили из сарая лестницу и по ней вернулись домой. А потом Витька улику, то есть лестницу, решил убрать. По ней всякий мог бы понять, что мы ночью выходили из дома. Ну и убрал. Оттолкнул ногой, а та возьми да и брякнись посередине двора на банки для консервирования. Так загремело… Мы окно захлопнули – и по кроватям…

Слышим, во дворе папа на чем свет стоит ругается. Его понять можно – такой ущерб хозяйству.

– И как эта дрянь здесь оказалась, когда я ее, точно помню, в сарай убирал?! – кипятился папа. – Раз десять!

– Жалко банок. Останемся без варенья, – говорю я.

– Без ущерба – это не приключение, а цинизм, – шепчет Витька, но по его голосу чувствуется, что варенья ему тоже жалко.

А на следующий день я проснулся первым. Я всегда просыпаюсь раньше Витьки, так как я «жаворонок», а он – «сова». И хотя солнце недавно встало, вся трава и все крыши уже нагрелись, все дисциплинированные люди давным-давно работали, все длинные тени превратились в короткие, и лишь в самых укромных уголках блаженствовала живительная сырость и прохлада… Как мы ее будем проклинать осенью!

Я посмотрел в почтовый ящик – письма не было. Папа уже куда-то уехал на машине. А вдруг в милицию с нашим посланием? Одно только успокаивало: папа в милицию не верил. Как и в сберкассы. Он вообще у нас скептик.

– Эй, сосед! – позвал меня от забора дядя Витя. – Меня твий батько попросил поберечь дом, пока он ружье зарегистрирует в милиции.

– Да?

Дело принимало скверный оборот, именно такой, о котором мечтал Витька. Поэтому я тут же его разбудил и обрадовал последними новостями.

– Это уже на что-то похоже, – процедил Витька, одеваясь. – Появляется огнестрельное оружие. А то я уже начинал чувствовать себя дураком.

Позавтракав, Витька схватил сачок, большой посылочный ящик и умчался. Вскоре приехал папа. И не один. У ворот рядом с выгруженными чемоданами стояла девчонка в бело-синем полосатом костюмчике.

– Максим, – торжественно произнес папа, доставая из машины ружье в чехле, – тут нам письмо пришло. Прочти. – И дает мне Витькино письмо.

Я прочитал и говорю:

– Шутка.

– Я тоже так думаю, но береженого Бог бережет. Кстати, едва не забыл, это Сашка, – кивнул папа в сторону ворот. – Утром телеграмму принесли. Наша дальняя родственница из Славутича. Встречать ездил. Если вы, мерзавцы, будете ее обижать, всех перестреляю. Я теперь нервный. Покажешь ей где и что, понял?

– Как не понять… – вздохнул я, а сам подумал: «Нам только еще девчонок не хватало в момент ограбления. Визжать было некому, так прислали».

Я показал Сашке ее кровать и перетащил чемоданы в дом. Потом вывел Сашку на крыльцо:

– Гуляй. А на папу не обращай внимания, он со вчерашнего дня нервный.

– Почему? – поинтересовалась Сашка.

– Грабят.

– А-а… – понимающе кивнула Сашка.

В этот момент из-за угла показался Витька с перекошенной физиономией и посылочным ящиком, который он держал в вытянутых вперед руках так, словно ящик мог его запачкать или укусить. Заметив меня в обществе незнакомой девчонки, Витька круто повернулся и хотел удалиться.

– Не бойся, – остановил я его. – Это к нам родственницу прислали из Славутича. Будет у нас жить.

– Да? – Витька опять круто развернулся, невежливо отодвинув всех с дороги, проскользнул в дом.

– Какой-то он неразговорчивый, – заметила Сашка.

– Он тоже нервный.

– Почему? – удивилась Сашка.

– Грабят нас…

– А ты? – спросила Сашка. – Нервный?

– Пошли лучше клубнику есть, – предложил я.

– Прямо с грядки?! – опешила Сашка. – Немытую? Это же опасно!

– Как это? – удивился я.

– Ну, немытая же, грязная!

– А-а-а… У тебя хобби – гигиена…

Я сразу потерял интерес к занудливой девчонке и пошел смотреть, что там замышляет Витька. А Витька уже пел от радости. Впустив меня, он выглянул в коридор и, удостоверившись в отсутствии «хвоста», закрыл дверь на щеколду.

И опять запел.

– Любит, любит Бармалей всяких маленьких детей, – пел Витька, доставая из посылочного ящика бельевыми щипцами, теми, которыми мама переворачивает кипящее белье, змею.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стихи М. Переваловой пишу как помню (Макс).

Купить: https://tellnovel.com/papchenko_aleksandr/princip-portosa-ili-posledniy-svidetel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити